

Магический СССР Печать позора

Протокол

МАГИЯ – НА СЛУЖБУ РОДИНЕ!

Михаил Орлов

Михаил Орлов

Магический СССР.

Печать позора. Протокол.

<https://litres.ru/73990554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Протокол «Феникс» активирован. Алексей Воронцов, теперь официальный Страж порталной сети, получает мандат от Совета Архимагов. Его цель — параллельная Москва с двумя лунами и невиданным магическим фоном. Но ключ к порталу — не единственная проблема. Воскресший Нулевой, первая версия проекта, собирает армию из полусотни носителей Печати. Он хочет уничтожить наш мир, чтобы вернуть свою жену, потерянную пятьдесят лет назад.

Синхронизировать три Печати, переписать протокол на лету и превратить враждебную гвардию в равноправные узлы федеративной сети — инженерный подход снова в деле. Георгиевский зал Кремля, хранилище Первого Стража, секретный архив Трибунала и битва в лаборатории у открытой арки. Кто сказал, что спасти реальность нельзя с помощью медной проволоки, ключей на шнурке и кофемашины «Волна-2»?

Содержание

Глава 1. Совет Архимагов: системная интеграция	5
Глава 2. Хранилище Первого Стража: поиск исходного кода	15
Глава 3. Шантаж Морозовых: отказоустойчивость под нагрузкой	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Орлов Магический СССР.

Печать позора. Протокол.

Все персонажи и события, описанные в книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими или когда-либо существовавшими людьми случайны.

Все описанное в книге является художественным вымыслом автора и на достоверность не претендует.

Глава 1. Совет Архимагов: системная интеграция

в которой герой узнаёт, что спасти мир — это только полдела, а вторая половина — правильно оформить документы, и получает первый официальный заказ от лица Советской власти

Прошло три дня с того момента, как портал открылся и Третий шагнул в другую Москву. Три дня, за которые моя Печать ни разу не взбунтовалась, купол над Кремлём сиял ярче прежнего, а в столовой ИБР появилось масло — настоящее, сливочное, а не постное. Тётя Клава лично объявила об этом на утренней раздаче, и её голос, обычно звучащий как команда к атаке, сегодня был почти торжественным. Похоже, стабилизация магического фона положительно сказалась не только на защитных контурах столицы, но и на производственном снабжении.

— Масло! — провозгласила она, водружая на прилавок увесистый брусок, завернутый в промасленную бумагу. — Внеочередной подвоз. Говорят, заслуга новых порталов. Ты, Воронцов, случайно не в курсе?

— Понятия не имею, — ответил я, подставляя тарелку под порцию гречневой каши. — Я всего лишь инженер, а не министр пищевой промышленности. Но если порталы помогли

с маслом, я только рад.

Тётя Клава подозрительно прищурилась, но промолчала. За соседним столиком Морозов-младший, всё ещё с пластырем на переносице, что-то бурно обсуждал со Шныгой. Тот, как обычно, кивал и строчил в крошечном блокнотике. Второй Клан, кажется, решил взять паузу и не обострять конфликт, но я знал, что это затишье временное. Морозовы не прощают унижений. Особенно публичных.

Первый, сидевший напротив, помешивал чай и хмурился. Его золотая Печать сегодня светилась ровно, но взгляд был тревожным.

— Ты чего? — спросил я, отламывая кусок хлеба.

— Громов вызывает, — коротко ответил он. — Через час. В Георгиевском зале. Совет Архимагов.

— Обоих?

— Обоих. И Ирину тоже. Видимо, будут решать, что делать с порталом.

Я отодвинул тарелку и задумался. После активации арки прошло три дня, но ни Громов, ни Долгоруков, ни кто-либо из Совета с нами официально не разговаривали. Я был уверен, что это не случайность — скорее, бюрократическая пауза, во время которой Клань делили сферы влияния и пытались понять, какую выгоду можно извлечь из работающего портала. Теперь, похоже, пауза закончилась, и нас вызывают для подведения итогов. Или для вынесения приговора.

Георгиевский зал Кремля был огромен. Высокие сводча-

тые потолки, расписанные знаками зодиака и магическими формулами, мраморные колонны, и в центре — длинный стол, накрытый красным сукном. Под ногами поскрипывал старинный паркет, а эхо шагов металось среди колонн, словно призраки бывших правителей всё ещё обсуждали здесь свои интриги. На столе лежали документы, чернильница с серебряной ручкой и государственный герб СССР, отлитый из магической бронзы.

Когда мы вошли — я, Первый и Ирина, — за столом уже сидели Архимаг Вяземский, Громов, Долгоруков, незнакомый мне человек в штатском, назвавшийся Кузнецовым, и Морозов-старший с каменным лицом. Слева от него, вопреки регламенту, сидел Морозов-младший. Видимо, семейство решило, что присутствие наследника на заседании Совета — это демонстрация силы. На деле же он просто сверлил меня взглядом, полным холодной, бессильной ярости.

— Присаживайтесь, — Вяземский указал на свободные стулья напротив. Я сел, чувствуя, как Печать под рубашкой вопросительно запульсировала, учуяв мощный магический фон зала. Первый занял место рядом, Ирина — чуть поодаль. Громов, сидевший напротив, выглядел уставшим, но довольным. В руках он держал уже знакомую мне папку с грифом «Феникс», из которой торчали свежие, ещё пахнущие типографской краской протоколы.

— Совет Архимагов собрался, — начал Вяземский сухим официальным тоном, — чтобы рассмотреть итоги активации

портальной арки Предтеч и определить дальнейший статус носителей проекта «Феникс». Первое слово предоставляется куратору проекта, уполномоченному Громову Виктору Павловичу.

Громов поднялся, поправил очки и обвёл присутствующих взглядом, который явно говорил: «Я знаю больше вас всех, и сейчас вы в этом убедитесь».

— Три дня назад, — начал он, раскрывая папку, — в подвале ИБР был успешно активирован портал, соединяющий наш мир с параллельной реальностью, условно обозначенной как «Объект Б». Активация проведена тремя носителями Печати Позора, являющейся ключевым элементом протокола «Феникс». В результате активации магический купол Москвы стабилизирован, фоновое излучение вернулось к показателям 1927 года, а порталная сеть переведена в активный режим.

— То есть, — перебил Морозов-старший, и в его голосе прозвучал металл, — вы хотите сказать, что кучка ссыльных и опальных Пространственников сделала то, с чем не справлялся весь Совет на протяжении десятилетий?

— Именно, — спокойно подтвердил Громов. — И теперь, в соответствии с условиями протокола «Феникс», носители подлежат зачислению в штат ИБР с присвоением статуса Стражей portalной сети. Клан Пространственников восстанавливается в правах. Артефакты, изъятые ранее, подлежат возврату в течение недели.

Морозов-старший побагровел и стукнул кулаком по столу, заставив чернильницу подпрыгнуть. Морозов-младший дёрнулся было что-то сказать, но осёкся, поймав холодный взгляд отца.

— Это неслыханно! — взревел старший. — Пространственники лишены всех прав решением Трибунала! Вы предлагаете отменить приговор на основании того, что их отпрыск открыл какую-то арку?

— Не какую-то, — подал голос Кузнецов, до того хранивший молчание. Это был сухощавый человек в очках с толстыми линзами и с усами а-ля «дорогой Леонид Ильич». Говорил он тихо, но его голос, лишённый эмоций, звучал весомее крика. — Арка Предтеч — ключевой элемент поддержания магического поля континента. Если бы не действия Воронцова и его коллег, купол Москвы мог рухнуть в течение ближайших пяти лет. Министерство Магии ознакомилось с расчётами и подтверждает: порталная сеть должна быть активирована. И активирована именно теми, кто имеет к ней прямой доступ. А прямой доступ, — он поправил очки, — есть только у носителей Печати.

— И что же, — процедил Морозов-старший, сверля меня взглядом, — мы теперь должны отдать Пространственникам ключи от города?

— Нет, — ответил Вяземский, поднимаясь. — Вы должны подписать договор о восстановлении Клана и передаче ему двадцати пяти процентов порталной сети, как и бы-

ло оговорено ранее. Или, если желаете, можете оспорить решение Совета через Трибунал. Но предупреждаю: Трибунал уже ознакомлен с докладом. И Трибунал, — он сделал паузу, — поддерживает Совет.

Морозов-старший молчал. Его желваки ходили ходуном, а пальцы, сжимавшие край стола, побелели. Потом он резко выдохнул и процедил сквозь зубы:

— Хорошо. Второй Клан подпишет договор. Но мы будем следить за каждым шагом Воронцова. И если он хоть на миллиметр отступит от условий...

— Не отступлю, — спокойно произнёс я, поднимаясь. — У меня нет интереса воевать с вами. У меня есть задача: восстановить порталную сеть и обеспечить её стабильную работу. Всё остальное — политика. А я, как вы могли заметить, не политик. Я инженер.

Морозов-старший сверлил меня взглядом ещё несколько секунд, потом отрывисто кивнул головой и сел. Его сын, сидевший рядом, выглядел так, будто только что проглотил лимон целиком, но промолчал. Морозов-младший, кажется, наконец-то начал понимать, что его личная вендетта проигрывает государственным интересам. Вяземский удовлетворённо кивнул и объявил:

— Совет принял решение. Клан Пространственников восстанавливается в правах. Договор будет подписан немедленно. Носителям Печати присваивается статус Стражей порталной сети. С этого дня они подчиняются непосредствен-

но Совету Архимагов. Первое задание: инспекция портала «Объект Б» и установление контакта с его обитателями.

— Что значит «инспекция»? — уточнил я.

— Это значит, что вы пойдёте туда, — ответил Вяземский.

— Посмотрите, что там за мир, и вернётесь с докладом. Второй портал тоже должен быть активирован, но не раньше, чем мы убедимся, что это безопасно.

Я переглянулся с Первым. Он едва заметно кивнул. Ирина побледнела, но её глаза горели тем самым научным азартом, который я уже видел раньше.

— Мы согласны, — сказал я. — Когда выдвигаться?

— Завтра, — ответил Громов. — А пока — оформляйте документы. Вы теперь не просто абитуриенты, Воронцов. Вы — полноправные члены Клана. А Клан, как известно, начинается с бюрократии.

Когда мы выходили из Георгиевского зала, Первый толкнул меня локтем в бок. На его лице, обычно угрюмом, играла почти весёлая усмешка.

— Слышал? «Стражи порталной сети». Звучит красиво. Почти как «Архимаг».

— Архимаг сидит в кабинете и подписывает бумаги, — отозвался я. — А Страж идёт в другой мир и проверяет, не сожрут ли его там местные аналоги Морозовых. По-моему, повышение сомнительное.

— Но масло-то дали, — хмыкнул Первый. — По-твоему, недостаточно?

Мы рассмеялись, и этот смех эхом разнёсся по мраморному коридору, пугая дремавшего у дверей охранника. Впереди была новая работа. Портальная сеть, два мира, неисследованные территории и где-то там, в другой Москве, — Третий, который ушёл, не попрощавшись. И теперь нам предстояло его найти.

Вечером того же дня, когда я сидел на подоконнике и смотрел, как над куполом разгорается закат, в дверь постучали. Я открыл и увидел Ирину. Она была без медицинского халата, в простом сером платье, и держала в руках потрёпанную лабораторную тетрадь, перетянутую резинкой.

— Воронцов, — произнесла она, и её голос прозвучал неуверенно. — Я подумала... вы отправляетесь завтра. И я хочу с вами.

— С нами? — удивился я. — Ирина, вы же учёный, а не полевой оперативник. Там может быть опасно.

— Я знаю. — Она подняла на меня глаза. — Но я изучаю Печать с того самого дня, как вы появились в Магадане. У меня накоплены данные, которых нет ни у кого. Если вы идёте в другой мир, я должна понимать, как Печать поведёт себя в иных магических условиях. Ради науки. И ради вас.

— Ради нас? — я приподнял бровь.

— Ради всех, — поправилась она, но её щёки чуть заметно порозовели, и я сделал вид, что не заметил.

— Ладно, — сказал я после паузы. — Будете нашим штатным диагностом в полевых условиях. Но если что-то пойдёт

не так — вы отходите за мою спину. И не спорите. Договорились?

— Договорились. — Она улыбнулась и протянула руку. Я пожал её, и от прикосновения по её пальцам пробежала лёгкая золотая искра. Печать снова признала её.

В дверях Ирина обернулась.

— И ещё кое-что, Воронцов. В том мире, куда вы идёте... вы знаете, кого вы там можете встретить?

— Догадываюсь. Третьего. Или того, кто был до него.

— Нет, — она покачала головой, и её взгляд стал странно серьёзным. — Я говорю не о Третьем. Я говорю о Первом Страже. Настоящем. Том, кто ушёл в портал в 1927 году и не вернулся. Если он жив, и вы его встретите... — Она осеклась, словно сама испугалась того, что собиралась сказать.

— Что тогда?

— Тогда он, возможно, расскажет вам правду о Печати. Всю правду, а не те обрывки, что мы по крупичкам собирали в архивах. Только будьте осторожны. Правда — она иногда страшнее незнания.

Она ушла, а я ещё долго стоял у окна и смотрел на закат. В кармане лежал ключ с цифрой «2». И завтра, возможно, я узнаю, что он открывает. И какую цену за это придётся заплатить.

Лог испытаний №1 (Том 2)

Объект: Печать Позора v.1.0 (стабильная версия, пост-активационный период). **Режим:** Системная интеграция —

официальное признание статуса носителя и Клана. **Результаты:**

- Совет Архимагов подтвердил завершение протокола «Феникс».
- Клан Пространственников восстановлен в правах.
- Носителям присвоен статус Стражей порталной сети.
- Получено первое официальное задание: инспекция портала «Объект Б».
- Ирина включена в состав экспедиции в качестве научного наблюдателя. **Гипотеза:** Легализация статуса открывает доступ к ранее закрытым ресурсам (архивы, артефакты, финансирование), но одновременно накладывает обязательства перед Советом Архимагов. **Следующий шаг:** Подготовка к переходу через портал «Объект Б». Оценка рисков полевой экспедиции в неизвестную магическую среду.

Глава 2. Хранилище Первого Стража: поиск исходного кода

в которой герой находит то, что искал, но не то, что ожидал, а карта порталной сети оказывается больше, чем он мог себе представить

Утро следующего дня началось с тишины. Той самой тишины, которая бывает только перед большим шагом — когда все слова уже сказаны, все контуры проверены, и осталось лишь переступить порог. Я проснулся рано, ещё до того, как в столовой включили «Волну-2», проверил усилитель, накопитель и ключ с цифрой «2», по-прежнему висевший у меня на шее. Сегодня он был особенно холодным.

Первый уже сидел за столом и что-то чертил в своей тетради. При моём пробуждении он поднял голову и коротко бросил:

— Громов только что прислал вестового. Переход откладывается на сутки. Причина — Совет хочет, чтобы мы сначала посетили одно место.

— Какое?

— Хранилище Первого Стража. Громов говорит, что там есть нечто, что поможет нам в инспекции «Объекта Б». И я с ним согласен. Помнишь, Третий упоминал, что порталная сеть требует трёх миров для стабильности? Если мы идём

в другой мир, мы должны знать, как он связан с нашим. И карта, которую мы нашли в секторе «Д», — лишь фрагмент. Полная карта — в хранилище.

Я кивнул. Хранилище Первого Стража — то самое, о котором говорилось в дневнике. Ключ с цифрой «2» открывал доступ к документам и картам, оставленным основателем Клана. И теперь, когда протокол «Феникс» был официально завершён, Совет дал добро на его посещение.

— Ирина идёт с нами? — спросил я.

— Да. Она уже ждёт внизу. Говорит, что без неё мы ничего не поймём в старых медицинских записях. И, кажется, она права.

— Тогда выдвигаемся.

Старое здание на Пречистенке выглядело так, будто его не ремонтировали с момента постройки — а построено оно было, судя по архитектуре, ещё при Александре II. Облупленные колонны, ржавая вывеска «Архив Министерства Магии» (буква «М» висела на одном гвозде и скрипела на ветру), окна, заколоченные фанерой, и запах — смесь пыли, старой бумаги и магического фона, от которого у обычного человека разболелась бы голова. У входа стояла будка, в ней — сторож, дед лет восьмидесяти, который спал, положив голову на журнал посещений. Его храп был низким, с присвистом, а на столе рядом стояла кружка с давно остывшим чаем, покрытая радужной плёнкой.

— Добрый день, — громко сказал я, и дед подскочил, чуть

не опрокинув стул.

— А?! Чего?! Архив закрыт! Санитарный день!

— У нас допуск, — я показал бумагу за подписью Громова. — Особая инспекция. Проверяем состояние магического фона в подвальных помещениях.

Дед подслеповато прищурился, разглядывая печать, и махнул рукой:

— Идите. Только не курите. И не шумите. И если увидите крыс — не кормите. Они от магии мутировали, могут заговорить.

— О чём? — не удержался я.

— О чём угодно. В прошлый раз одна читала мне лекцию о вреде магического загрязнения. Я чуть не уволился.

Мы переглянулись с Первым и едва удержались от смеха. Говорящие крысы-экологи. Магический СССР не переставал удивлять.

Подвал был огромен, заставлен стеллажами с папками, коробками и опечатанными ящиками. Пахло мышами, старой бумагой и — слабо, едва уловимо — озоном. Магия. Где-то здесь пряталось то, что было защищено заклинаниями, способными пережить и своего создателя, и пару революций. Моя Печать загудела, как компас, указывая направление. Она чувствовала родственную энергию — ту, что была заперта в этих стенах десятилетиями.

— Где искать? — спросила Ирина, оглядывая бесконечные ряды стеллажей. Она держала в руках портативный ма-

гофон, который мерно попискивал, фиксируя фоновое излучение.

— Ключ подскажет, — ответил я, доставая ключ с цифрой «2».

Я зажал его в кулаке и закрыл глаза. Печать на груди загудела — сначала тихо, потом всё громче, и через несколько секунд я почувствовал, как ключ в руке потеплел. Не обжёг, а именно потеплел — и потянул меня вправо, к дальнему углу подвала. Открыв глаза, я увидел, как от ключа исходят тонкие серебряные нити, указывающие путь, словно невидимый луч фонарика в тумане.

— Туда, — сказал я.

В углу подвала, за старым стеллажом с надписью «Списано. Уничтожить. 1947», обнаружилась неприметная дверь. Без таблички, без ручки — просто стальная плита с замочной скважиной, в которой тускло мерцала знакомая руна. Та самая. Серебряная. Когда я приблизился, плита пошла мелкими вибрациями, будто в ней заработал двигатель, и по краям двери побежали тонкие светящиеся линии, складываясь в герб Пространственников.

Я вставил ключ в скважину. Он вошёл идеально, словно его ждали здесь десятилетиями — возможно, так и было. Повернул. Раздался щелчок, тяжёлый, как удар колокола, и дверь отъехала в сторону, открывая тёмный проход. Пахнуло холодом и озоном, и откуда-то из темноты донеслось слабое, едва различимое гудение.

Мы вошли.

Хранилище Первого Стража было небольшим. Всего одна комната без окон, освещённая магическим кристаллом под потолком, который вспыхнул сам собой, стоило нам переступить порог. В центре стоял стол, на нём — раскрытый дневник в кожаном переплёте, чернильница с засохшими чернилами и серебряная ручка с гербом Пространственников. Вдоль стен — стеллажи с артефактами: жезлы, накопители, свитки. Но главное — на дальней стене висела карта. Карта Москвы, но не обычной, а магической. На ней были отмечены все порталы, все арки, все точки пространственных переходов. И в центре карты, над Кремлём, пульсировала алая точка — действующий портал, который мы открыли три дня назад. От неё расходились тонкие пульсирующие линии, расходясь по всей стране и уходя за её пределы, в те регионы, о которых я даже не слышал.

— Ничего себе, — выдохнула Ирина, поднося магофон поближе к карте. Прибор в её руках засвистел, зашкалив шкалу. — Это... это сеть. Полная порталная сеть Пространственников. Здесь вся Москва. И не только Москва — смотрите, линии уходят за Урал. В Магадан. В Новосибирск. На Кавказ. Это покрытие всей страны.

— И она работала, — прошептал Первый, водя пальцем по линиям. При каждом касании карта отзывалась тихим звоном, и линии под его пальцами на мгновение вспыхивали ярче. — До опалы Клана. А потом порталы закрыли, и

страна перешла на поезда и самолёты. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — ответил я, уже листая дневник. — Тот, кто контролирует порталы, контролирует всё. Поэтому Морозовы так рвались к арке. Поэтому они хотели уничтожить это хранилище. Если сеть восстановить, Второй Клан потеряет монополию на транспортную магию. А это — миллиарды. Простите, миллиарды рублей.

Страницы дневника шуршали под пальцами, и от каждой исходил слабый аромат сушёной лаванды. Строчки, написанные каллиграфическим почерком, слегка светились в полумраке. Первый Страж писал о порталах, о путешествиях между мирами, о том, как он пришёл в этот мир и как планирует вернуться. И — последняя запись, датированная октябрём 1927 года:

«Если ты читаешь это, значит, ты — мой наследник. Тот, кто носит Печать. Тот, кто прошёл через смерть и воскрес. Я оставляю тебе ключ и карту. Используй их мудро. Портал в Кремле — лишь один из многих. Открой остальные. Верни Клану его силу. И помни: Печать — не проклятие. Это дар. Самый опасный дар, который только может быть у человека, потому что он позволяет ходить между мирами. Но у каждого дара есть цена. Моя цена — я вынужден покинуть этот мир навсегда. Твоя цена — ты никогда не узнаешь, кто ты на самом деле. Ты будешь помнить только то, что выберешь помнить. Выбирай правильно»

НО».

Я закрыл дневник и несколько секунд сидел молча, чувствуя, как Печать в груди пульсирует медленно, тяжело, словно переваривая прочитанное.

— Что там? — спросил Первый.

— Правда, — ответил я. — И она тяжелее, чем я думал. Первый Страж — это я. Или я — это он. Вернее, один из нас — продолжение другого. Но цена... — я коснулся дневника, и Печать потеплела, узнавая автора. — Цена — это память. Он потерял всё, что помнил о себе, когда активировал первый портал. И если мы пойдём по его пути, мы рискуем тем же.

— Мы не пойдём, — твёрдо сказал Первый. — Мы — не он. Мы — трое. И мы уже синхронизированы. Ты сам говорил, что сеть работает на федеративных принципах. Мы не потеряем память. Мы её сохраним.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я уже терял её однажды, — тихо ответил он и отвернулся к карте. — И не хочу повторять.

Ирина, всё это время молча изучавшая карту, вдруг ахнула и отступила на шаг. Её магофон запищал особенно пронзительно.

— Смотрите, — прошептала она, указывая на край карты. — Здесь, за Уралом, — третья точка. Она неактивна, но она есть. Это, кажется, портал в третий мир.

Я подошёл ближе. Третья точка действительно была там

— едва заметная, бледно-голубая, почти сливающаяся с сеткой координат. Но она пульсировала. Медленно, редко, но пульсировала. И ключ «3», который я только вчера получил, на мгновение потеплел — словно отозвался на этот далёкий сигнал.

— Третий мир, — прошептал я. — Тот самый, о котором говорил Страж. И тот, куда вёл ключ «3». Видимо, портал туда ещё не активирован, но он существует. И кто-то с той стороны подаёт признаки жизни.

— Или это автоматический сигнал, — возразил Первый. — Эхо закрытого портала. В любом случае, сейчас это не главное. Сначала — «Объект Б». Инспекция. Контакт с теми, кто там живёт. А потом уже — третий мир.

— Согласен, — я убрал дневник в сумку и снял карту со стены, аккуратно свернув её в рулон. Ирина помогла закрепить ремешок. — Карту мы забираем с собой. Дневник тоже. Остальное пока останется здесь. Громов наверняка захочет прислать сюда своих архивариусов.

— Уже, — раздался голос из темноты, и в проёме двери появился Громов собственной персоной. На этот раз он был без папки, но с двумя магами Трибунала, которые тут же принялись опечатывать стеллажи. — Совет решил взять хранилище под охрану. Всё, что касается порталной сети, отныне — государственная собственность. Но вы, как Стражи, имеете доступ в любое время. Поздравляю, Воронцовы. Вы теперь не просто носители Печати. Вы — наследники Пер-

вого Стража.

— Спасибо, — сухо ответил я. — Только наследство, как выяснилось, идёт с довеском. Память, личность — всё это цена за порталы. Вы знали об этом?

Громов помолчал, и я впервые увидел, как в его глазах мелькнуло что-то человеческое — возможно, сожаление. Или усталость.

— Знал, — сказал он наконец. — Я куратор проекта «Феникс» с 1969 года. И я видел, что случилось с Первым. Поэтому я сделал всё, чтобы у вас было то, чего не было у него: поддержка. Сеть. Три носителя вместо одного. Ирина. Первый. Третий. Вы не повторите его судьбу, Воронцов. Я лично прослежу за этим.

— Вы? — переспросил Первый, и в его голосе прозвучала старая, глухая обида. — А где вы были, когда меня списывали на рудники?

— Там же, где и сейчас, — тихо ответил Громов. — Пытался сохранить то, что осталось. И ждал, когда появится кто-то, кто справится лучше меня. Похоже, дождался.

Он развернулся и исчез в темноте, оставив нас втроём посреди хранилища. Маги Трибунала молча продолжали печатывать стеллажи. Ирина убрала магофон в саквояж и посмотрела на меня долгим взглядом.

— Завтра — портал, — сказала она. — Вы готовы?

— Готов, — ответил я. — У меня теперь есть карта, дневник и два союзника. А ещё — ключ «3», который, кажется,

ждёт своего часа.

— И ещё, — добавил Первый, кивая на дневник. — Ты прочёл, что написал Страж. «Ты будешь помнить только то, что выберешь помнить». Может, это и есть наше преимущество. Мы — не он. Мы помним друг друга. И пока мы вместе, мы не потеряем себя.

Я кивнул и убрал свёрнутую карту в сумку. Завтра — «Объект Б». Завтра мы шагнём в портал и увидим другую Москву. А пока — подготовка. Инженерная, тщательная, с проверкой каждого контакта и каждого заклинания.

Когда мы выходили из хранилища, крыса на пороге подняла голову, посмотрела на меня и, прежде чем скрыться в щели, отчётливо произнесла: «Береги карту. Она дороже, чем кажется». Я замер, но решил не комментировать. В конце концов, говорящие крысы — ещё не самое странное, что случилось со мной за последний месяц.

Лог испытаний №2 (Том 2)

Объект: Печать Позора v.1.0. **Режим:** Пассивное сканирование хранилища Первого Стража; контакт с оригиналом дневника и карты порталной сети. **Результаты:**

- Обнаружена полная карта порталной сети Пространственников. Сеть охватывает всю территорию СССР и имеет три активных узла: Москва, Магадан, Новосибирск.

- Зафиксирована третья точка (предположительно портал в третий мир). Точка неактивна, но подаёт слабые пульсиру-

ющие сигналы.

- Дневник Первого Стража содержит информацию о цене активации порталов (потеря памяти) и о необходимости трёх миров для стабильной работы сети. **Гипотеза:** Активация третьего портала возможна при синхронизации трёх носителей Печати. Риск потери памяти минимизируется за счёт распределённой архитектуры сети. **Следующий шаг:** Инспекция портала «Объект Б». Установление контакта с обитателями параллельной Москвы. Оценка состояния их портальной сети.

Глава 3. Шантаж Морозовых: отказоустойчивость под нагрузкой

в которой герой узнаёт, что деловые переговоры и магический шантаж отличаются только антуражем, а компромисс — это просто правильно настроенный контур

В кабинет Морозова-старшего меня вызвали на следующее утро после того, как мы вернулись из хранилища. Повестька пришла с гербовой печатью Второго Клана и лаконичной припиской от руки: «Воронцову А.М. Явиться немедленно. В случае отказа пеняйте на себя». Записка пахла дорогим табаком и едва уловимой угрозой — примерно так же, как письма от налоговой в моей прошлой жизни.

Первый, прочитав повестку, молча достал из пальто свой кристалл и положил его в карман моей куртки. Ирина, сидевшая тут же с неизменным магофоном, побледнела, но ничего не сказала — только поправила диагностический кристалл, висевший у неё на шее, и проверила заряд батарей.

— Не ходи один, — сказал Первый. — Морозов-старший после Совета зол как цепной пёс. Он может попытаться...

— Я пойду с вами, — перебила Ирина, поднимаясь. — Как медицинский наблюдатель. И как свидетель. Если Морозов попробует что-то предпринять, ему придётся иметь дело с Советом.

Я посмотрел на них — мрачного, готового к драке Первого, и решительную, сжатую как пружина Ирину — и вдруг поймал себя на мысли, что за последние недели из одиночки-инженера я превратился в лидера маленького, но очень мотивированного отряда. Это было непривычно. И, пожалуй, приятно.

— Идём вместе, — согласился я. — Но говорить буду я. Вы — поддержка. И пожалуйста, не глушите его амулеты без крайней необходимости. Нам нужен договор, а не война.

Кабинет Морозова-старшего находился в особняке Второго Клана на Пречистенке — в двух шагах от хранилища, где мы были вчера. То ли ирония судьбы, то ли намеренная демонстрация: вот ваш тайник, вот ваш враг, и вы ничего не можете с этим сделать. Особняк был обставлен с той тяжёлой, давящей роскошью, какая бывает у старых аристократических семей, пытающихся компенсировать утраченное влияние дорогой мебелью. Массивные дубовые панели, портьеры из тёмно-красного бархата, камин, в котором потрескивали не дрова, а какой-то артефакт, и повсюду — гербы Второго Клана, золотые ромбы с рубиновой каплей. В воздухе стоял запах старого дерева, воска и лёгкого, едва уловимого озона — Морозов явно держал в кабинете несколько рабочих артефактов.

Морозов-старший сидел за массивным столом красного дерева, и его лицо напоминало гранитную маску. Рядом стоял Морозов-младший — на этот раз без пластыря на носу,

но с тем же выражением лица, какое бывает у человека, которого заставили проглотить жабу. За их спинами маячили двое охранников с жезлами, на этот раз не активированными, и Дмитрий Сергеевич, дядя, которого я уже имел удовольствие лицезреть в поезде. Его присутствие означало, что семейство собралось в полном составе для решающего разговора.

— Воронцов, — произнёс старший, не предлагая сесть. — Ты знаешь, зачем тебя вызвали.

— Догадываюсь, — ответил я, останавливаясь в двух шагах от стола. — Речь пойдёт о ключе. Точнее, о ключах.

— Именно. Ты получил доступ к хранилищу, нашёл карту портальной сети и дневник Первого Стража. Всё это — по праву наследия, которое я оспаривать не буду. Но ключ «3» — ключ к третьему миру — остался у тебя. И он, согласно протоколу, должен быть передан Трибуналу.

— Должен? — я приподнял бровь. — Насколько я помню, протокол «Феникс» не предусматривает передачу ключей Трибуналу. Он предусматривает активацию порталов носителями Печати. Ключ «3» находится у меня на законных основаниях.

— Основания можно пересмотреть, — вкрадчиво произнёс Дмитрий Сергеевич, выступая из-за спины брата. — Например, если вдруг выяснится, что некоторые реликвии вашего Клана, хранящиеся в спецхране Трибунала, представляют опасность для магического фона. Тогда их придётся

уничтожить. По протоколу безопасности.

Вот он, шантаж. Я ждал его с того самого момента, как мы покинули хранилище. Морозовы не могли отобрать ключ силой — за мной стоял Совет Архимагов и лично Громов. Но они могли ударить по тому, что ещё оставалось уязвимым: по наследию Клана. По тем самым вещам, которые не имели магической силы, но имели силу историческую. Дневники, портреты, письма. Последнее, что осталось от Воронцовых, кроме меня и Первого.

Первый за моей спиной напрягся. Его золотая Печать коротко вспыхнула сквозь пальто, но он сдержался. Ирина, стоявшая чуть позади, включила магофон — тихий, едва слышимый писк означивал начало записи. Морозов-дядя покопался на прибор, но ничего не сказал. Наличие записи было ему невыгодно, но и помешать он не мог — Ирина действовала в рамках протокола, утверждённого Советом.

— Значит, ультиматум, — констатировал я. — Я отдаю ключ — вы сохраняете реликвии. Я отказываюсь — вы их уничтожаете. Так?

— Приблизительно, — кивнул старший. — Только с одним уточнением: если ты отдаёшь ключ добровольно, мы готовы предложить компенсацию. Долю в транспортной сети, например. Скажем, пять процентов.

Я усмехнулся. Пять процентов. После того, как я вчера лично держал в руках карту и видел масштаб портальной сети, это звучало как подачка нищему. Но я не обиделся. Я

включил режим кризис-менеджера, который за годы практики был отточен до автоматизма. Шаг первый: оценить активы оппонента. Шаг второй: выявить его реальную потребность. Шаг третий: предложить решение, которое удовлетворит обе стороны, но при этом оставит контроль у меня.

— Прежде чем мы продолжим, — сказал я, доставая из сумки свёрнутую карту и разворачивая её на столе, прямо поверх гербовых бумаг Морозова, — позвольте показать вам кое-что.

Карта развернулась, заняв половину стола. Алая точка над Кремлём пульсировала, линии сети расходились во все стороны, и в тусклом свете кабинета они казались особенно яркими. Морозов-старший невольно подался вперёд, его глаза хищно сузились. Дмитрий Сергеевич за его спиной замер, а младший, не удержавшись, привстал на цыпочки. Я ткнул пальцем в точку над Магаданом.

— Портальная сеть Пространственников, — начал я тоном лектора. — Два активных узла: Москва и Магадан. Третий — в Новосибирске — будет активирован, как только мы закончим калибровку. И это только начало. Сеть может быть расширена на весь Советский Союз, а в перспективе — и за его пределы. Тот, кто контролирует порталы, контролирует транспортные потоки. А транспортные потоки, — я поднял глаза на Морозова-старшего, — это деньги. Огромные деньги. То, что вы просите за ключ — пять процентов, — это стоимость одного узла. Но ключ «3» открывает доступ к тре-

тьему миру. К целой реальности. И вы хотите получить его за жалкие крохи?

Морозов-старший молчал. Его пальцы, лежавшие на столе, чуть заметно дрогнули. Я попал в точку. Он был не просто мстительным аристократом — он был бизнесменом. И сейчас он просчитывал прибыль.

— Чего ты хочешь? — спросил он наконец, и его голос впервые прозвучал без угрозы, с холодным, деловым интересом.

— Вместо того чтобы шантажировать меня уничтожением реликвий, — сказал я, — давайте заключим взаимовыгодную сделку. Вы сохраняете наследие Клана Пространственников в полном объёме и возвращаете все конфискованные артефакты. Взамен вы получаете долю в порталной сети — не пять процентов, а двадцать. Плюс должность в совете директоров — простите, в совете Кланов — для представителя моего Клана.

— Двадцать процентов и возврат артефактов? — переспросил Морозов-старший, и его брови поползли вверх. — Это грабёж. Пятнадцать.

— Двадцать пять, — спокойно возразил я. — И вы приносите публичные извинения за клевету в адрес моего отца. В письменном виде. На бланке Второго Клана. С печатью. Чтобы я мог повесить это в нашем общежитии рядом с портретом Брежнева.

— Двадцать пять процентов и письменные извинения?!

— Морозов-старший побагровел так, что я всерьёз обеспокоился его давлением, но Дмитрий Сергеевич неожиданно положил руку брату на плечо и что-то шепнул на ухо. Тот выслушал, медленно выдохнул и процедил:

— Двадцать. И без извинений. Вместо извинений — официальное заявление о «восстановлении исторической справедливости». Формально это не признание вины, но публичное признание ошибки. Устроит?

Я сделал вид, что задумался. На самом деле я был готов согласиться на пятнадцать. Но искусство переговоров требовало паузы, и я выдержал её — ровно столько, сколько нужно, чтобы Морозов-старший начал нервничать.

— Двадцать, — сказал я наконец. — И заявление о восстановлении справедливости. И возврат всех артефактов в течение недели. Договор?

— Договор, — процедил он, и в его голосе смешались злость, уважение и досада. — Завтра документы будут оформлены. Но учти, Воронцов: если ты хоть на шаг отступишь от условий, Второй Клан расторгнет сделку. И тогда пеняй на себя.

— Я не отступаю, — ответил я, протягивая руку. — У меня нет привычки нарушать контракты. Это плохо для бизнеса.

Морозов-старший сжал мою ладонь. Его рукопожатие было сухим, жёстким и, кажется, слегка обожжённым — Печать на моей груди на мгновение потеплела, и я заметил, как он

отдёрнул руку чуть быстрее, чем позволяли приличия. Ничего, переживёт. Бизнес есть бизнес.

Когда мы выходили из особняка, на ступенях нас перехватил Морозов-младший. На этот раз без свиты, без угроз, просто запыхавшийся и с каким-то странным выражением лица — не враждебным, а скорее растерянным.

— Воронцов, — произнёс он, глядя куда-то в сторону. — То, что ты сделал с порталом... это было круто. Я думал, ты нуль. А ты, оказывается, инженер.

Я моргнул. Первый за моей спиной издал короткий смешок и тут же закашлялся, притворяясь, что поперхнулся. Ирина прикрыла рот ладонью.

— Спасибо, — осторожно ответил я. — Ты тоже... неплохо держался. Для человека с расшатанной плиткой под ногами.

Он неожиданно улыбнулся — криво, но без злобы.

— Знаешь, я хотел тебя ненавидеть. Отец говорил, что ты враг Клана. Но потом я увидел, как ты работаешь. Как ты синхронизировался с Первым. Как ты разговаривал с Третьим. И как ты только что развёл моего отца на сделку. — Он покачал головой. — Это было... впечатляюще.

— И что теперь? — спросил я. — Перемирие?

— Скажем так, личное перемирие, — он протянул руку. — Я не могу идти против отца. Но и воевать с тобой больше не хочу. Ты спас купол. Ты восстановил Клан. И, между прочим, починил кофемашину в столовой. — Он вдруг коротко

хохотнул и протянул руку. — Я, кстати, тот парень, который тебе с плиткой помог. Ну, тогда, в Магадане. Не специально, конечно. Но если бы не та драка, ты бы, может, и не попёр против системы.

Я пожал его ладонь, чувствуя, как Печать в груди, вместо привычной угрозы, тепло пульсирует — не как к врагу, а как к чему-то новому, ещё не определившемся. Возможно, это было началом чего-то неожиданного. Или просто временной передышкой перед новой бурей. В конце концов, в этом мире ничему нельзя доверять полностью — кроме, пожалуй, правильно собранного контура.

Вечером того же дня я сидел на подоконнике в нашей комнате и смотрел на закат. Первый, склонившись над картой, делал пометки в тетради, сверяя координаты узлов. Ирина переписывала дневник Стража, подчёркивая места, касающиеся медицинских аспектов Печати.

— Ты превратил шантаж в сделку, — произнёс Первый, не отрываясь от карты. — Знаешь, я начинаю думать, что инженерное мышление — это самый сильный Дар из всех, что я видел.

— Инженерное мышление, — отозвался я, — это просто способность видеть систему там, где другие видят хаос. Морозовы хотели войны. Я предложил им бизнес. Теперь они вынуждены играть по моим правилам.

— А если они попытаются обмануть? — спросила Ирина, поднимая голову от дневника.

— Тогда я пересмотрю контракт. У меня теперь есть карта, есть два активных портала и есть вы. А у них — только гонор и уязвлённое самолюбие. Как говорят в моём мире, это неконкурентоспособная бизнес-модель.

Она улыбнулась и вернулась к дневнику. Я же достал ключ «3» и задумчиво повертел его в пальцах. Металл всё так же оставался холодным, но теперь в нём чувствовалось что-то новое — едва заметная пульсация, словно он тоже ждал своего часа. Где-то там, в третьем мире, кто-то подавал признаки жизни. И рано или поздно нам предстояло выяснить, кто это и чего он хочет.

Лог испытаний №3 (Том 2)

Объект: Печать Позора v.1.0. **Режим:** Социальное взаимодействие — переговоры с представителями враждебного Клана в условиях шантажа. **Результаты:**

- Шантаж Морозова-старшего нейтрализован. Заключено соглашение: 20% порталной сети, возврат артефактов Клана, заявление о восстановлении справедливости.

- Установлено личное перемирие с Морозовым-младшим. Потенциальный конфликт переведён в плоскость делового сотрудничества.

- Печать продемонстрировала способность влиять на эмоциональный фон оппонента (предположительно, через слабое воздействие на амулеты). Механизм требует дополни-

тельного изучения. **Гипотеза:** Восстановление статуса Клана и заключение межклановых соглашений создают основу для долговременной стабильности порталной сети. Инженерный подход эффективен не только в технической, но и в социальной сфере. **Следующий шаг:** Получение официального допуска к порталу «Объект Б». Подготовка экспедиции в параллельную Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.